

шенствований, не связанных с общими принципами, всех этих дыр, штопок и заплаток, возрастает, что само по себе не свидетельствует о благополучном положении в нашем синтаксическом королевстве. Не желая обидеть своих коллег, прихожу к мысли, что творческие усилия, трудоемкие анализы, полемические схватки могли бы быть значительно плодотворнее, если бы направлены были не на то, чтобы обязательно привести материал в соответствие с незыблемой сетью установившихся понятий, а на то, чтобы, вникая в материал, искать новую систему понятий, более соответствующую его природе.

Чтобы обосновать эту свою тревогу, обращусь к анализу некоторых положений синтаксической теории.

И во второй половине XX в. строение предложения воспринимается сквозь призму системы членов предложения. Восходящая к далеким временам античности и средневековья, сложившаяся в основном на ранних стадиях развития грамматической и логической мысли, многократно подвергавшаяся позже критике, система членов предложения остается основным способом представления его синтаксической структуры.

Стимулировавшиеся критикой попытки преодолеть несовершенства этой системы в наше время носили, на первый взгляд, разнонаправленный, но чаще всего количественный характер. Так, на одной из синтаксических конференций в поисках путей улучшения теории членов предложения было рекомендовано пополнить существующую классификацию второстепенных членов предложения такими категориями, как предикативное определение, обстоятельственное определение, дополнительно-определятельный член предложения, дополнительно-обстоятельный член предложения, развернутые члены предложения, объектно-предикативный член предложения и уточняющие члены предложения, которые в свою очередь поддавались дальнейшей дифференциации¹. Эта позиция и позже поддерживалась рядом синтаксистов. Другая позиция представлена «Грамматикой-70», которая, как известно, пошла по пути отказа от второстепенных членов предложения. И в том, и в другом случае система членов предложения только модифицируется, суть ее сохраняется в том, что исследователи продолжают квалифицировать факты через те же категории. Те распространители предложения, которые объединены в «Грамматике-70» под именем детерминантов, дифференцируются затем по значению как объектно-субъектные и обстоятельственные (локальные, темпоральные, причинно-следственные, целевые, образа действия — те же разновидности, что и у школьных «обстоятельств», несколько пополненные), в управляемых формах различаются объектная, субъектная, комплетивная функция, с собственно-характеризующим и обстоятельно-характеризующим осложнением или без него. При этом объектные, субъектные, определительные и прочие значения не противопоставлены друг другу, они все время совмещаются, осложняют друг друга, в чем получает отражение не только действительно сложная, нередко переходная природа явлений, но и неразграничение семантического и позиционного принципов классификации. Устремления разных исследователей к поправкам, таким образом, смыкаются, а нерешенные вопросы, переходные и спорные случаи, перекрещивающиеся классификации остаются. Плодотворная идея о разграничении надежных форм имени — распространителей предложения, или детерминантов, и присловных распространителей, управляемых и примыкающих, не находит опоры в однозначных критериях, а следовательно, не проясняет синтаксической природы тех и других.

Принятые в «Грамматике-70» приемы классификации и описания материала не дают ответа на вопрос, почему в одних случаях детерминанты не могут вступить в подчинительные связи с другими словоформами пред-

¹ Совещание языковедов юга России и Северного Кавказа по вопросу о членах предложения (Тезисы докладов). Изд. Ростовского ун-та, 1959.